

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

8. — ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ. — РЕВОЛЮЦИЯ «ШИРИТСЯ», НО НЕ «УГЛУБЛЯЕТСЯ». — БОЛЬШЕВИКИ ФОРМУЛИРУЮТ НОВЫЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИИ. — КОЛЕБАНИЯ ПОЛЬСКОГО СЪЕЗДА. — ДИАПАЗОН НАСТРОЕНИЙ К. Д. ПЕРЕД ОБРАЗОВАНИЕМ ПАРТИИ И МОИ РЕПЛИКИ.

На тюремном режимѣ — даже и помимо нашей группы арестованных членов Союза Союзов — уже отразились революціонныя вѣянія. Начальником «Крестов» был чиновникъ, проявлявшій всѣ признаки либерализма. Потом — во времена Г. Дум — он сдѣлался завѣдующимъ государственной типографіей. Он познакомилъ меня съ тюремными порядками и особенно интересовался моимъ мнѣніемъ о томъ, какъ устроить тюремный трудъ, развлеченія и библиотечное дѣло. Последнее меня и лично интересовало. В «Крестахъ» была неплохая библиотека, составленная из пожертвованій прежнихъ интеллигентныхъ сидѣльцевъ тюрьмы. На допросы никого изъ насъ ни разу не вызывали, и я рѣшилъ занять свой досугъ чтеніемъ и перечитываніемъ литературы народнической эпохи. За мѣсяцъ тюремнаго сидѣнья я перечиталъ в хронологическомъ порядкѣ всего Глѣба Успенскаго — и былъ пораженъ богатствомъ и точностью соціологическихъ наблюденій этого замѣчательнаго писателя надъ перерожденіемъ русскаго города, а потомъ и русскаго деревни въ пореформенныя годы. Несправедливо забытый широкой публикой, Успенскій остается истиннымъ кладомъ для изслѣдователя послѣдствій эпохи великихъ реформъ. Вновь прочелъ Левитова — и нашелъ въ немъ, къ своему изумленію, законнаго предшественника Горькаго. Съ трудомъ одолѣлъ стиль Рѣшетникова, — но былъ ему благодаренъ за знакомство съ заброшеннымъ проходнымъ этапомъ русской колонизаціи. Зла-

См. «Русскія Записки» — Ноябрь.

товратскаго одолѣть не мог: мнѣ претила фальшивая и слащавая напыщенность новаго Гомера. Должен сказать, что и при личных встрѣчах я испытывал то же досадное ощущеніе. Зато с лихвой вознаградил меня Салтыков, котораго я тоже впервые перечитал всего в хронологическом порядкѣ. Такова уж судьба міровой сатиры, что краски ея блеют; Аристофана тоже надо читать с ученым комментарием, чтобы возстановить смысл его бравад в шумѣ афинской агоры. Но какая у Салтыкова сила сосредоточеннаго сарказма, какое знаніе быта и героев, уцѣлѣвших от времен Гоголя, какая тонкая наблюдательность над преемниками, которых сатирик тщательно прикалывает на булабочку, по мѣрѣ их появленія на поверхности общественной пѣны — чуть не из мѣсяца в мѣсяц! И дают тут тон не «невидимыя слезы» сквозь смѣх, а рвутся наружу гнѣвъ и желчь, сократившіе дни писателя. Для Салтыкова прошлое не наступило; его бич бьет по большевикам, как бил по крѣпостникам и по «государственным младенцам» его времени. Жаль, что отошел в прошлое, вмѣстѣ с описанными им процессами, Глѣб Успенскій; но тут — не вина писателя. Для параллели я перечитал карьеру Ругон - Макаров: тут застоявшееся болото сравнительно с русским рѣчным разливом.

Пусть это отступленіе будет данью благодарности за мое послѣднее тюремное сидѣнье, хоть оно и вырвало меня на мѣсяц из контекста русской революціонной дѣйствительности. Дѣйствительность эта, впрочем, просачивалась и через крѣпкія когды - то тюремныя стѣны. На свиданіях с женой нас уже не раздѣляла двойная рѣшетка, а отводилась нам особая комната, и жена свободно передавала мнѣ послѣдніе продукты нелегальной литературы. Было допущено либеральным директором и еще одно пріятное развлеченіе. Раз в недѣлю пріѣзжал ко мнѣ из Удѣльной мой пріятель, директор больницы св. Николая, Александр Викторович Тимофеев. Начальник отводил нам свой кабинет, и мы погружались в шахматную партію, причем посѣтитель сообщал мнѣ попутно о важнѣйших общественных событіях. Партія в шахматы не ограничивалась точным сроком. Семья Тимофеевых вообще очень скрашивала наше пребываніе в Удѣльной. Там, послѣ званаго обѣда, мы зачастую развлекались игрою в «городки» с Иваном Петровичем Павловым, — уже и тогда всероссійской знаменитостью, но удивительно простым и общительным собесѣдником. Иван Петрович при этом обнаруживал большую физическую силу, но не было конца

насмѣшкам, когда кто - нибудь из нас, вмѣсто того, чтобы выбить «попа» из городка, устраивал внутри города «рюху». Так, среди надвигавшейся російской трагедіи, занимались мы... «дѣлом».

А событія не ждали. Каждое утро газеты приносили извѣстія о рабочих стачках в разных городах Россіи; к рабочим начинали примыкать и союзы всевозможных профессій, и желѣзнодорожные служащіе, и мелкія ремесленные группы; часто приклеивался к забастовкам ярлык «всеобщих». Наряду с рабочим разгоралось и крестьянское движеніе — особенно в черноземных губерніях. То там, то сям «боевыя дружины» с. р-ов совершали террористическіе акты, жертвами которых являлись чины администраціи, от губернаторов до околоточных и урядников, а также чины полиціи и жандармов. Надо, однако, сказать, что эти разрозненные свѣдѣнія тогда не производили такого сгущеннаго впечатлѣнія, какое производят теперь, когда они собраны и расклассифицированы в разных печатных изданіях. *Динамику* революціи по газетным данным прослѣдить было трудно: глаз привыкал к безконечному повторенію одних и тѣх же рубрик. Поскольку эти отрывочные факты сопровождались короткими мотивировками, видно было, что и по существу характер движенія остается тот же, к какому мы привыкли послѣ Краснаго Воскресенья. То же безсиліе правительства, то же отсутствіе видимаго руководства и организаціи снизу — и, в результатѣ, то же отсутствіе ярко выраженнаго политическаго характера и единой цѣли разрозненных революціонных актов.

Попрежнему они вызывались узко - классовыми интересами бастующих рабочих и мѣстными нуждами бунтующих против помѣщиков крестьян. Поскольку за движеніем масс стояло руководство только - что складывавшихся социалистических партій, оно выражалось больше в пропагандѣ общих лозунгов, нежели в выполненіи конкретных практических задач. Не замѣчалось еще признаков проведенной централизаціи и усвоенной дисциплины. В общем, народническое вліяніе — даже в рабочей средѣ — далеко не было вытѣснено социал - демократической агитаціей. В крестьянствѣ, насколько революціонныя идеи туда вообще доходили, народники безусловно преобладали. Несомнѣнно, революціонное броженіе росло и ширилось, особенно на окраинах; но оно, по опредѣленію самих революціонных партій, еще оставалось «стихийным». Точка зрѣнія широкаго «развязыванія» революціи еще преобладала у с. д. над задачей ея «организаціи». При этой безфор-

менности сохранялась возможность внесенія в массы и болѣе умѣренных — «буржуазных» политических тенденцій; этой возможности даже с. д. не исключали, а к. д. прямо вводили ее в свои расчеты. Отчасти с. д. еще побаивались этой конкуренціи.

Я ранѣе говорил о полемикѣ с нами монополистов пролетаріата — типа антиленинской «Новой Искры». Но должен признаться, что в то время до меня не доходили свѣдѣнія о появленіи другого, болѣе непримиримаго теченія — ленинских «якобинцев», стремившихся перехватить руководство у «жирондистов - новоискровцев». Я ничего не знал о майском «третьем с'ѣздѣ» в Лондонѣ (первом чисто - большевистском), а на нем, послѣ принятія общимъ фронтомъ «освобожденческаго» движенія лозунговъ всеобщаго избирательнаго права и учредительнаго собранія, был уже намѣчен, в отсутствіи «меньшевиговъ», дальнѣйшій шагъ: полная побѣда «демократической рабоче - крестьянской диктатуры». Эта диктатура должна была явиться результатомъ успѣшнаго вооруженнаго возстанія, которое низвергнетъ самодержавіе с его дворянством и чиновничествомъ и замѣнитъ его демократической республикой с революціоннымъ «Временнымъ Правительствомъ» во главѣ. В это правительстве смогутъ войти и социал - демократы, чтобы «давить» на него не только «снизу», но и «сверху». Это будетъ, все же, только буржуазно - демократическая власть; но она облегчитъ дальнѣйшій переход, при обязательномъ содѣйствіи всемірной революціи, к осуществленію социализма в Россіи. Тутъ была в зародышѣ вся ленинская программа 1917 года. Она рѣзко противопоставлялась другому исходу — буржуазному «предательству», срыву революціи и ограниченію ея результатовъ «куцой конституціей», при полномъ нежеланіи упрямой власти считаться даже с нею. Конечно, при этомъ «буржуазная демократія» не только не приглашалась к дальнѣйшему сотрудничеству, но, напротивъ, принципиально устранялась от него, чтобы «не связывать рукъ» крайней лѣвой тактикѣ.

Надо признаться, что вся эта упрощенная проекція ленинскихъ геометрическихъ линій в политическую пустоту должна была самой своей общедоступностью и абсолютной формойъ утвержденной гораздо сильнѣе подѣйствовать на массы, нежели извилистыя, полныя благоразумныхъ оговорокъ формулы резолюцій, которыя собравшіеся в Женевѣ меньшевики противопоставили рѣшеніямъ лондонскаго третьяго с'ѣзда. До нашей среды всѣ эти тонкости внутренней междуусобной борьбы в средѣ с. д. просто не доходили во время

— тѣм болѣе, что только в концѣ іюля Ленин напечатал свой сравнительный комментарий большевистских и меньшевистских резолюцій в напумбввшей брошюрѣ «Двѣ тактики». При том же, к октябрю разногласія «двух тактик» успѣли уже нѣсколько сгладиться. Главное различіе между ними и было, в сущности, не столько в лозунгах, сколько в способах их осуществленія. То, что Ленин уже в маѣ смѣло поставил на первую очередь, для меньшевиков оставалось тогда за горизонтом практической политики. Лишь в октябрѣ и ноябрѣ эти лозунги показались осуществимыми.

Во всяком случаѣ, социал - демократическая — и специально ленинская линія — с вооруженным возстаніем в первую очередь — еще не выдѣлялась сколько - нибудь замѣтно в «стихийном» процессѣ революціи. Менѣе всего о ней мог свидѣтельствовать безтолковый ход и исход іюньскаго матросскаго возстанія на броненосцѣ «Потемкин Таврической», — а оно особенно обрылило с. д. надеждой на возможность успѣха вооруженнаго возстанія. Становилось все же ясно уже ко времени моего сидѣнія в тюрьмѣ, что наши дороги должны разойтись. Для нас на ближайшую очередь становилось теперь окончательное выясненіе собственной линіи. Наш ближайшій шаг, послѣ эпохи сотрудничества в «союзах», заключался в организаціи отдѣльной политической «партіи». Об этой задачѣ мы давно говорили — и к осуществленію ея усердно готовились с апрѣля, вырабатывая нашу программу. Послѣ «Союза Освобожденія» «земскіе конституціоналисты» в своем руководящем ядрѣ уточняли ея содержаніе. «Земскіе с'ѣзды» были первой средой для ея распространенія в «либерально - демократической» средѣ. «Союз Освобожденія» работал для той-же цѣли, в своем духѣ, в средѣ передовой интеллигенціи. Между двумя центрами заранѣе намѣчались точки расхожденія.

Я уже говорил, что «Союз Освобожденія», являясь посредником между нами и лѣвыми партіями, занимал болѣе лѣвую позицію, нежели земско - конституціонная группа. Через него проникали и усваивались здѣсь лѣвыя формулы и программныя требованія социалистических теченій. Руководящая группа земцев конституціоналистов, причиславшая себя столько же к земцам, как и к интеллигентам, в свою очередь служила естественной посредницей между «Союзом Освобожденія» и земскою средой. При таком разнообразіи состава «освобожденцы» в цѣлом не рѣшались назваться «партіей», и, как сказано выше, ограничились названіем

«Союза» *). Такое положеніе продолжало существовать и на третьем с'ѣздѣ «Союза Освобожденія» в концѣ марта, когда сдѣлана была попытка превратить «федеративный» Союз в «партію». Разногласія при детализаціи программных пунктов оказались уже тут настолько значительными, что в важнѣйших вопросах пришлось остаться в предѣлах очень общих и туманных компромиссных формул. В виду этого, большинство с'ѣзда рѣшило не приступать къ образованію «партіи». Но это рѣшеніе не остановило дальнейшей разработки программы в средѣ земцев конституціоналистов. Когда от них окончательно отдѣлилась группа Д. Н. Шипова, то оставшіеся оказались настолько тѣсно сплоченными единомышленниками, что вопрос о созданіи «конституціонно - демократической» партіи — это названіе уже успѣло войти в оборот — становился сам собою. И нужно было спѣшить, свѣдѣнія об окончаніи работ Булыгинской комиссіи и о предстоящих выборах в Государственную Думу дѣлали уже совершенно необходимым ускорить формальное образованіе партіи.

Соціалистическія партіи уже опередили нѣсколькими годами образованіе конституціонно - демократической партіи, и в их средѣ детально обсуждался вопрос об участіи или неучастіи в выборах и об отношеніи к самой Думѣ.

Занять опредѣленную позицію в этих вопросах было особенно необходимо для течения, которое должно было принять в своей дѣятельности по преимуществу открытый парламентскій характер.

*) Интересно, с этой точки зрѣнія, отмѣтить, самый состав «Совета Союза Освобожденія», избраннаго в январѣ 1904 г. Советъ состоялъ из шести земцев - конституціоналистов и шести интеллигентов. В первую группу входили кн. П. Д. Долгоруков, кн. Д. И. Шаховской, Н. Н. Львов, Н. Н. Ковалевскій (Харьков), И. Е. Лучицкій (Кіев), И. И. Петрункевич (Тверь). Во вторую группу: Н. Ф. Анненскій, В. Я. Богучарскій, А. И. Лутугин, В. В. Хижняков, А. Е. Пѣшехов, С. Н. Прокопович. При Советѣ состояла «Большая петербургская группа» из 12-14 человек, в том числѣ «техническая группа» в составѣ Богучарскаго, Хижнякова, Е. Д. Кусковой, Миклашевскаго, Соколова, Купріяновой. Эта группа вѣдала сношенія с П. Б. Струве, полученіе и распространеніе «Освобожденія», сбор денег, сношенія с мѣстами. Она же разсылала директивы в мѣстныя группы, посылала пропагандистов идей Союза и т. д. «Большая московская группа» сосредоточивалась около «Русских Вѣдомостей»; ея руководителями были Петровскій и А. Н. Максимов. Около этих лиц сплотилась тѣсная группа «сочувствующих». — За эти указанія я приношу благодарность Е. Д. Кусковой.

Самая необходимость существованія легальных политических партий при переходѣ к режиму народнаго представительства, была для этого теченія безспорной предпосылкой. Оставалось только рѣшить, является - ли уже началом такого режима учрежденіе Булыгинской Думы. Я и многіе мои единомышленники рѣшали этот вопрос положительно — со всѣми необходимыми оговорками. Для других в нашей - же средѣ вопрос оставался спорным. Чтобы рѣшить его, созыв новаго земскаго с'ѣзда — на этот раз с участіем представителей от городов—являлся совершенно неотложным. Именно поэтому созыв, вмѣсто него, «коалиціоннаго с'ѣзда» дней Цусимы, был воспринят, как досадное отвлеченіе в сторону и бесполезная задержка. Со стороны это могло быть принято даже за нѣкоторый шаг назад в процесѣ далеко пошедшаго сплоченія земцев около идей будущей партіи. Новый с'ѣзд должен был вернуться на намѣченный путь, — провѣрить окончательно единство взглядов среди своих единомышленников, исправить и пополнить соотвѣтственно отдѣлы будущей программы и приступить к послѣднему шагу — строительству партіи. Этим и занялись земско - городской с'ѣзд, созданный на 6-8 іюля, и земско - конституціонная группа, сдѣлавшая 9-10 іюля окончательный вывод из его рѣшеній, в сущности уже predeterminedных. К с'ѣзду я на этот раз стоял очень близко, а в засѣданіях группы принялъ непосредственное участіе.

Измѣнившаяся политическая обстановка сказалась сразу на исходѣ конфликта с'ѣзда с полиціей. Уже не особнякъ Ю. М. Новосильцева, а громаднй дом кн. Павла Долгорукова, среди обширнаго запущеннаго сада в Знаменском переулкѣ, послужил эффектной декорацией для с'ѣзда. Многіе помнят, вѣроятно, фотографическій снимок многочисленных (их было 235) членов с'ѣзда на фонѣ этого дворца, сдѣланный присяжным фотографом общественных выступленій этого времени, г. Булла. Товарищ министра Трепов заранѣе об'явил рѣшенія этого — и предыдущаго — с'ѣзда незаконными, и московская полиція явилась, чтобы его распустить. Но президіум с'ѣзда сослался на разрѣшеніе государя передать его «царскую волю» «всѣм близким, живущим как на землѣ, так и в городах», — и об'явил незаконным распоряженіе товарища министра. С'ѣзд продолжал засѣдать. Его работа была во всѣх подробностях подготовлена бюро с'ѣздов. Получив отрицательное сужденіе с'ѣзда о проектѣ Булыгина, бюро предложило готовый собственный проект «основнаго закона», напечатанный с этой цѣлью

в «Русских Вѣдомостях» 6 іюля. Он был принят «в первом чтеніи». По предложенію братьев Долгоруковых рѣшено было затѣм «войти в ближайшее общеніе с широкими массама», чтобы «совмѣстно с народом обсудить предстоящую политическую реформу», «завоевать необходимыя для ея проведенія свободы» и «разработать на мѣстах вопрос о проведеніи в жизнь выборной системы, выработанной обще - земским с'ѣздом» (т. е. всеобщаго избирательнаго права). По предложенію В. Д. Набокова, рѣшено при этом «отстаивать естественныя права», указанныя в резолюціях ноябрьскаго с'ѣзда 1904 г. «всѣми мирными способами, не исключая и неподчиненія распоряженіям власти, нарушающим эти права». Недосказанные здѣсь намеки развертывались в полную программу четырехвостки и учредительнаго собранія, принятую «Союзом Освобожденія». Такую радикальную «реформу» выборов и представительнаго органа предполагалось рѣшить «совмѣстно с народом». Предпосылкой исполнимости подобнаго начинанія могла служить только создавшаяся на всем пространствѣ Россіи революціонная кон'юнктура — в предположеніи безсилія власти. Но мы не знали, что Ленин на том же основаніи уже намѣтил совсѣм другія задачи революціи... С'ѣзд, с другой стороны, все же, послѣ бурных преній, не рѣшился предопредѣлить отношеніе даже к ближайшему шагу — выборам в Булыгинскую Думу. Приняв разработанный бюро текст обращенія к народу, — что нѣкоторые ораторы находили «черезчур революціонным средством», — он очень осторожно отнесся к способам распространенія этого воззванія «к народу». Все зависѣло здѣсь от дальнѣйшаго «развертыванія» революціи. Этими же опредѣлялись и колебанія с'ѣзда.

Оставшись одни, земцы - конституціоналисты начали свои за сѣданія 9-10 іюля прямо с обсужденія «того невыгоднаго впечатлѣнія, которое было произведено, главным образом, на элементы, стоящіе влѣво от земств, петергофской депутаціей и, в частности, неопредѣленным содержаніем и нѣкоторыми отдѣльными выраженіями рѣчи С. Н. Трубецкаго» (разумѣлось особенно выраженіе «крамола»). Они сочли нужным рѣзко отгородиться от этого шага и подчеркнуть, что «посылка депутаціи 6 іюня не представляется актом земских конституціоналистов, а актом коалиціоннаго с'ѣзда, и что результат ея ни в чем не связывает нас». Послѣ этого жеста по адресу лѣвых собраніе признало, что «необходимо приступить к образованію конституціонно - демократической партіи, которая

бы состояла из широкаго круга дѣятельных единомышленников в странѣ и имѣла бы полную и цѣльную программу со включеніем в нее положеній по экономическим, финансовым, областным и національным вопросам». Это были тѣ отдѣлы, по которым как раз могли возникнуть разногласія между правыми и лѣвыми отѣнками в предѣлах «широкаго круга единомышленников». По политическим вопросам позиціи уже были болѣе или менѣе установлены, а по социальным вопросам, рабочему и особенно аграрному, были заняты позиціи, близкія к программѣ - минимуму с. д. и к воззрѣніям с. р. Окончательный стговор с «Союзом Освобожденія», состав котораго мыслился как необходимая часть партіи, считался таким образом обеспеченным. Однако, при этой общей тягѣ земцев - конституціоналистов влѣво, на том же с'ѣздѣ появились и разногласія. Н. К. Муравьев — один из очень лѣвых — возражал против нашего соединенія с освобожденцами на том основаніи, что «Союз Освобожденія» «значительно дискредитировал себя в глазах широкой публики и переживает уже старческой марasmus». Вѣроятно, тут «освобожденцы» еще смѣшивались с «Освобожденіем» и его редактором. Мнѣ пришлось тогда отвѣтить Муравьеву, что «тот-же аргумент можно примѣнить и к земской группѣ, которая еще болѣе себя дискредитировала». Насколько было неясно настроеніе, при каком происходило обсужденіе нашего отношенія к теченіям, ставшим опредѣленно на революціонную точку зрѣнія, можно судить по другой моей репликѣ. Обсуждался вопрос о том, какое отношеніе должна была занять создаваемая партія к «Союзу Союзов», от имени котораго я выступал. В итогѣ довольно бурных преній я раздраженно заявил: «Если члены нашей группы настолько щекотливо относятся к физическим средствам борьбы, то я боюсь, что наши планы об организаціи партіи... окажутся безплодными. Вѣдь трудно рассчитывать на мирное разрѣшеніе назрѣвших вопросов государственнаго переустройства, в то время, когда уже кругом происходит революція. Или, может быть, вы при этом рассчитываете на чужую физическую силу, надѣясь в душѣ на извѣстный исход, но не желая лично участвовать в актах физическаго воздѣйствія? Но вѣдь это было-бы лицемеріе, и подобная лицемерная постановка вопроса была бы граждански недобросовѣстна. Несомнѣнно, всѣ вы в душѣ радуетесь извѣстными актам физическаго насилія, которые всѣми заранѣе ожидаются и историческое значеніе которых громадно... Вообще послѣ всего то-

го, что мнѣ пришлось выслушать здѣсь, у меня является сомнѣніе не в том, вступать или не вступать нам в Союз Союзов, а не откажется - ли сам Союз Союзов от чести состоять с нами в товарищеских отношеніях». Собрание было задѣто моим укором и постановило принять участіе в Союзѣ Союзов. Но я не предвидѣлъ, что очень скоро мнѣ самому придется отойти от Союза Союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линіей, а «физическое насиліе» примет иную форму и будет преслѣдовать иныя дѣли, нежели тѣ, на которыя я намекалъ, имѣя в виду тактику с. рев. До такой степени, за нѣсколько мѣсяцем до образованія партіи, была неясна политическая обстановка, среди которой ей придется дѣйствовать.

Іюльскій с'ѣзд считал всѣ элементы для созданія к.-д. партіи до такой степени подготовленными, что принял первую исполнительную мѣру: выбрал 20 членов, уполномоченных «вступить в соглашеніе, по своему усмотрѣнію, с близкими по направленію группами (имѣлся в виду, конечно, прежде всего «Союз Освобожденія», но также и Союз Союзов), составить с лицами, которыя будут уполномочены от тѣх групп, временный комитет партіи и приступить к необходимым дѣйствіям по ея организаціи».

Бюро, вмѣстѣ с 20 уполномоченными, поручалось продолжать работы по недоконченным отдѣлам программы. Слѣдующій с'ѣзд земцев - конституціоналистов должен был собраться «немедленно» по обнародованіи закона о булыгинской думѣ. Мой арест задержал исполненіе этого послѣдняго постановленія. Мои друзья рѣшили отложить созыв с'ѣзда до моего освобожденія. Общеземскій и городской с'ѣзд, послѣдній перед образованіем партіи, собрались уже 12 - 15 сентября, когда я был на свободѣ.

П Милоков